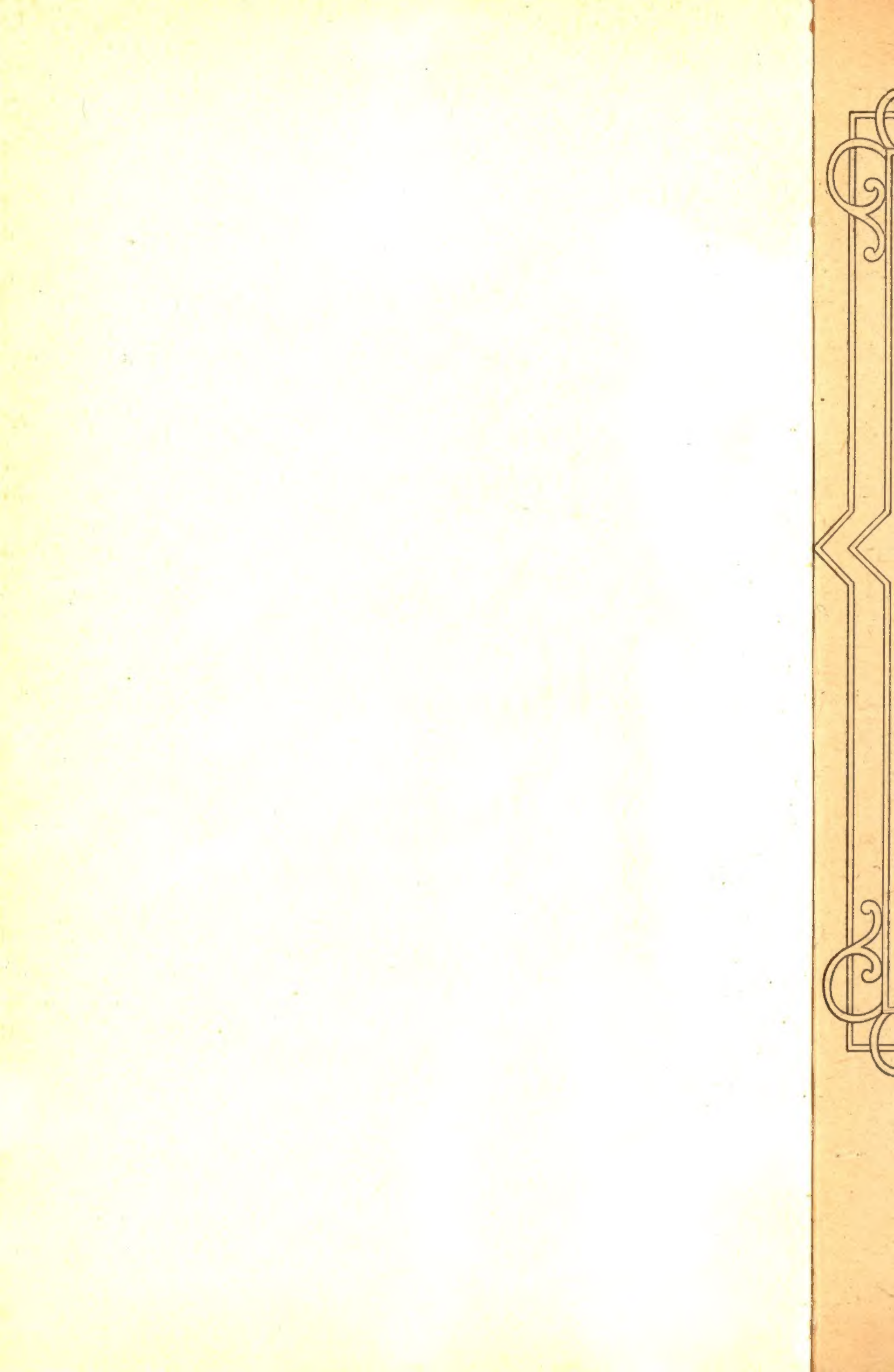
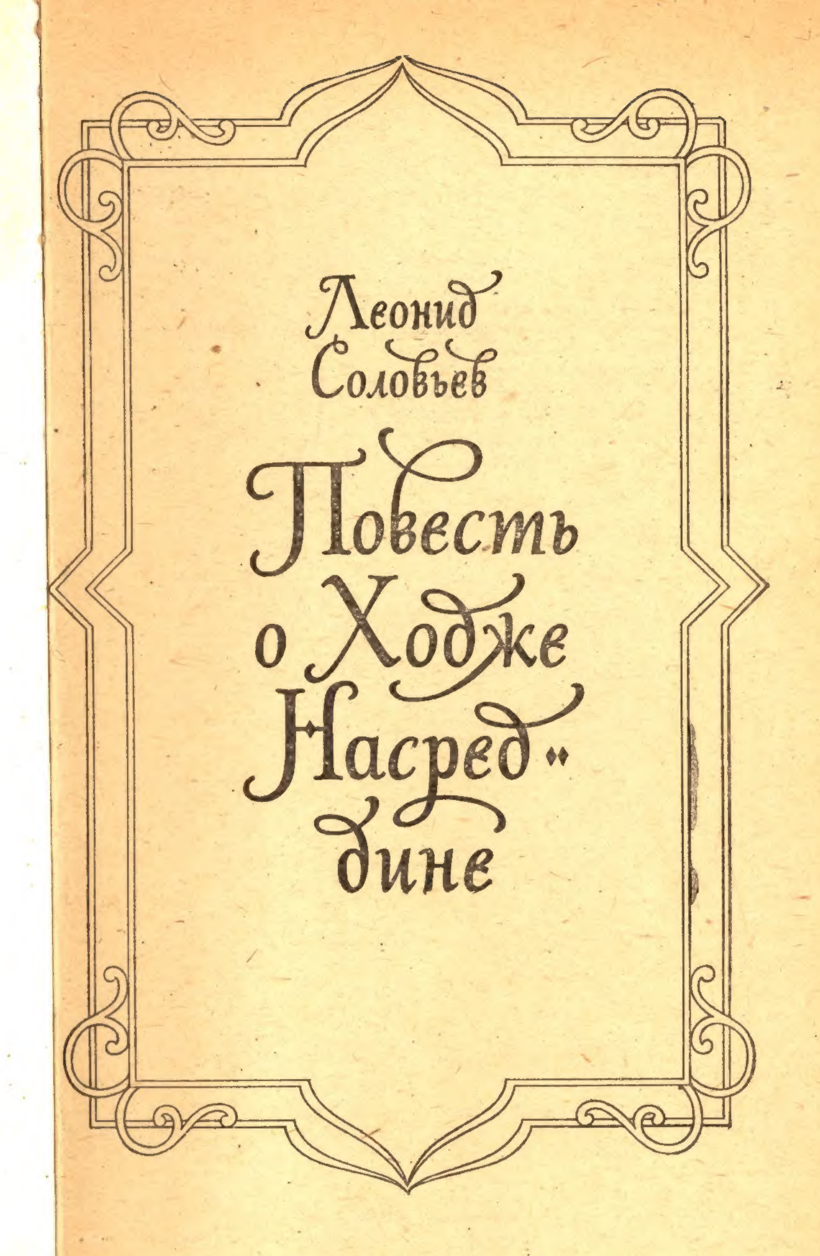
Леонид Соловьев

Повесть о Ходже Насреддине

ЛЕНИЗДАТ · 1980

84.3(2)7
С 60

Соловьев Л. В.

С60 Повесть о Ходже Насреддине.— Л.: Лениздат, 1980.— 576 с., ил.

Переиздание широко известного произведения русского советского писателя Леонида Васильевича Соловьева (1906—1962). Первая книга — «Возмутитель спокойствия» — впервые была опубликована в 1940 году; вторая — «Очарованный принц» — в 1954-м.

Текст печатается по изданию: *Соловьев Леонид.* Повесть о Ходже Насреддине. Лениздат, 1974.

С $\frac{70302\ \ 4702010200—016}{М171(03)—80}$ 152—80 **84.3(2)7**

Леонид Васильевич Соловьев

Повесть о Ходже Насреддине

Редактор Н. А. Чечулина. Оформление художника А. И. Векслер. Рисунки художника В. А. Гальбы. Художественный редактор О. И. Маслаков. Технический редактор Л. П. Никитина. Корректор Л. М. Ван-Заам.

ИБ № 1663

Сдано в набор 12.11.79. Подписано к печати 25.03.80. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага тип. № 3. Гарн. школьная. Печать высокая. Усл. печ. л. 30.24. Уч.-изд. л. 30,40. Тираж 1 500 000 экз. (5-й завод 1200 001—1500 000 экз). Заказ № 352. Цена 2 р. 20 к.

Ордена Трудового Красного Знамени Лениздат, 191023, Ленинград, Фонтанка, 59. Ордена Трудового Красного Знамени типография им. Володарского Лениздата, 191023, Ленинград, Фонтанка, 57.

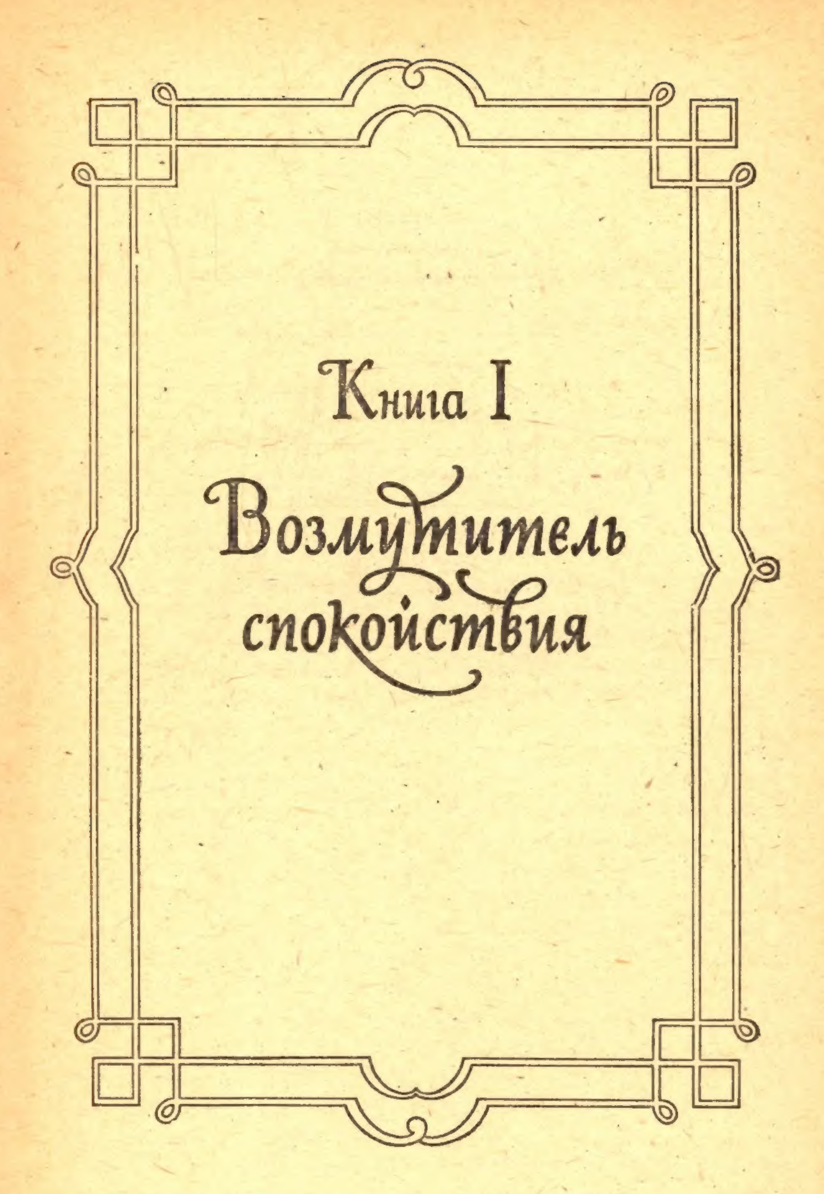
Памяти моего незабвенного друга Мумина Адилова, погибшего 18 апреля 1930 года в горном кишлаке Нанай от подлой вражеской пули,— посвящаю, благоговея перед его чистой памятью, эту книгу.

В нем были многие и многие черты Ходжи Насреддина — беззаветная любовь к народу, смелость, честное лукавство и благородная хитрость,—и когда я писал эту книгу, не один раз мне казалось в ночной тишине, что его тень стоит за моим креслом и направляет мое перо.

Он похоронен в Канибадаме. Я посетил недавно его могилу; дети играли вокруг холма, поросшего весенней травой и цветами, а он спал вечным сном и не ответил на призывы моего сердца...

Эту
историю
передал нам
Абу-Омар-Ахмед-ибн-Мухаммед
со слов
Мухаммеда-ибн-Али-Рифаа,
ссылавшегося
на Али-ибн-Абдаль-Азиза,
который ссылался
на Абу-Убейда-аль-Хасима-ибн-Селяма,
говорившего со слов
своих наставников,
а последний из них
опирается
на Омара-ибн-аль-Хаттаба
и сына его
Абд-Аллаха,—
да будет доволен аллах
ими обоими!

Ибн-Хазм.
«Ожерелье голубки»

Книга I

Возмутитель спокойствия

И сказал ему я:
«Для радости тех,
что живут со мною на земле,
я напишу книгу,—
пусть на ее листы
не дуют холодные ветры времени,
пусть светлая весна
моих стихов
никогда не сменяется
унылой осенью забвенья!..»
И — посмотри! —
еще розы в саду не осыпались,
и я еще хожу без клюки,
а книга «Гюлистан»,
что значит
«Цветник роз»,
уже написана мною,
и ты читаешь ее...

Саади

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Рассказывают также, что один простак шел, держа в руке узду своего осла, которого он вел за собою.

Триста восемьдесят восьмая ночь Шахразады

Глава первая

Тридцать пятый год своей жизни Ходжа Насреддин встретил в пути.

Больше десяти лет провел он в изгнании, странствуя из города в город, из одной страны в другую, пересекая моря и пустыни, ночуя как придется — на голой земле у скудного пастушеского костра или в тесном караван-сарае, где в пыльной темноте до утра вздыхают и чешутся верблюды и глухо позвякивают бубенцами, или в чадной, закопченной чайхане, среди лежащих вповалку водоносов, нищих, погонщиков и прочего бедного люда, с наступлением рассвета наполняющего своими пронзительными криками базарные площади и узкие улички городов. Нередко удавалось ему ночевать и на мягких шелковых подушках в гареме какого-нибудь иранского вельможи, который как раз в эту ночь ходил с отрядом стражников по всем чайханам и караван-сараям, разыскивая бродягу и богохульника Ходжу Насреддина, чтобы посадить его на кол... Через решетку окна виднелась узкая полоска неба, бледнели звезды, предутренний ветерок легко и нежно шумел по листве, на подоконнике начинали ворковать и чистить перья веселые горлинки. И Ходжа Насреддин, целуя утомленную красавицу, говорил:

— Пора. Прощай, моя несравненная жемчужина, и не забывай меня.

— Подожди! — отвечала она, смыкая прекрасные руки на его шее.— Разве ты уходишь совсем? Но поче-

Кладбище погрузилось во тьму, повеяло свежестью, зажглись на темном небе звезды.

Ходжа Насреддин сказал:

— Прощай, мудрый старец, изредка я буду приходить к тебе.

И услышал благожелательный ответ, передавшийся в его разум через сердце — не словами, а теплой волной.

— Об озере не беспокойся,— продолжал Ходжа Насреддин.— Я выполнил все по своему разумению, и получилось как нужно. Я рад, если хоть чуточку помог тебе своей скромной помощью перейти на высшую ступень твоего бессмертного бытия. Но в одном я повинен: я так и не нашел своей веры. Говоря по правде, я понадеялся на твое обещание подсказать, а ты взял, да и... того — перешел. Не дождавшись... Теперь я попытаюсь, конечно, сам найти,— не знаю, выйдет ли что-нибудь?

Величаво и торжественно, в содружестве звезд, плыла земля сквозь голубую мглу ночи, ветер шелестел в деревьях, кричали ночные птицы, благоухала трава, обильно увлажненная росой, билось сердце в груди Ходжи Насреддина — и во всем этом он вдруг ощутил с полной несомненностью свою веру и понял ее, хотя назвать еще не умел. Переполненный порывом, восторгом и беспредельным счастьем любви к миру, чувствуя ответную, такую же беспредельную любовь живого мира к себе, сливаясь со всем сущим вокруг, но не растворяясь в нем и сохраняя себя,— он шагнул в одно из тех драгоценных мгновений, что соприкасают человека с великим и вечным круговоротом жизни, куда смерти доступа нет и не будет!

Его вера все громче звучала в его душе и переливалась через края, но слóва для нее, неповторимого и единственного, он в своем разуме не находил. А между тем чувствовал, что оно есть, и где-то близко; он напрягал все силы, дабы пламя из его души поднялось в разум и зажгло его этим великим словом; и когда, казалось ему, он уже вконец изнемог от непомерных усилий,— слово это вспыхнуло в нем, блеснуло, сверкнуло и, перелетев на уста, обожгло их незримым огнем.

— Жизнь! — воскликнул он, вздрогнув и затрепетав, не замечая слез, струившихся по лицу.

И все вокруг дрогнуло, затрепетало, отзываясь ему,— и ветер, и листья, и травы, и далекие звезды.

Странное дело: он всегда знал это простое слово, но проник во всю его бездонную глубину только сейчас,— и когда проник, это слово стало для него всеобъемлющим и бесконечным.

...С того памятного дня, когда ему на могиле старца открылось вещее слово, он начал жить уже не так, как раньше: он начал жить в ясности, не смущаемый никакими сомнениями, не угнетаемый путаницей и кажущимся хаосом мира, ибо имел ко всему верный, истинный ключ. Но рассказ об его дальнейшей жизни — это новая книга, писать которую будет уже кто-то другой, наш преемник, идущий за нами следом.

А наши труды окончены; мы прощаемся на этом с Ходжой Насреддином. Душою мы, конечно, еще не раз вернемся к нему и вступим в мысленную беседу с ним по различным поводам и случаям, что нам встретятся на жизненном пути, но пером, на бумаге, никогда уже не вернемся, ибо сказали о нем все, что знаем и что хотели сказать.

1954 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Книга первая

Возмутитель спокойствия

Книга вторая

Очарованный принц

7
84
39

24
83
84

ей
ту-
ля
е-

а-
о-

о-

у-
е-